

Вия ЖИТЬ

Из собственной квартиры

бы мое имя ассоциировалось с политикой.

- Но в советское время вы же успели побыть и депутатом Верховного Совета, и почетным членом различных президиумов.

- Будто кто-то спрашивал моего согласия! Меня втянули, добровольно я на такие вещи никогда не соглашалась. Какой из меня политик? Помню, депутатов обязывали встречаться с избирателями, и это были самые тяжелые дни для меня. Редко кто шел с радостью, обычно люди несли боль, горе. Наслушаюсь за день жутких историй, нареву... Хотелось помочь всем и сразу.

Нет, в высокие сферы я никогда не лезла и от любых публичных оценок и заявлений всегда старалась воздерживаться, правда, сейчас все же скажу: российскому правительству нужно проявить поддержку и мудрость. Политические игры и реальная забота о русскоязычных - это разные вещи. Попытки давить на Латвию бумерангом ударят по тем, о ком на словах хлопочут московские власти. Латыши сожмут зубы, но вытерпят любые блокады - нам с родной земли деваться некуда, мы тут родились и умрем, а вот всех прочих могут ведь и попросить уехать в Россию...

Лучше бы не делить людей по национальному признаку. Сейчас в Латвии трудно всем. Я ведь не случайно рассказала о том, в каком положении нахожусь. У меня ни перед кем нет никаких преимуществ. Я живу бедно, хуже, чем бедно.

Слава Богу, есть этот дом на хуторе. Когда-то, много лет тому назад, им владел талантливый латвийский композитор Эмил Дарзиньш. Нелепая случайность: он погиб в сравнительно раннем возрасте. Потом дом перешел к сыну Дарзиньша, но он уехал в Амери-

атр, по вечерам играю в спектаклях. Если представление заканчивается поздно и я не успеваю на автобус, приходится просить, чтобы кто-нибудь подвез. А дорога, сами видите, не ближняя... Пока я играю мало, поэтому еще куда ни шло - удастся выходить из положения, но скоро ведь работы добавится. Вот и коплю деньги на городскую квартиру, чтобы было, где переночевать. А сейчас приходится трястись в транспорте. Автобусы ходят редко, порой людей набивается, как сельдей...

- Попутчики, наверное, уступают вам место?

- Конечно, меня узнают, но сейчас не принято ни в чем никому уступать - о карьере ли речь, о театральных подмостках или об автобусе. Впрочем, я и не жду поправок. Неужели не смогу сорок минут на ногах простоять?

- А машины у вас никогда не было?

- Я их раздала - сыну, родственникам. После первого инсульта, который случился три с половиной года назад, за руль уже не сажусь, а сын водит хорошо.

- Кстати, как дела у Каспара? Одно время он, кажется, всеерьез увлекся религией?

- Церковь оказалась очень жестоким делом, она крепко измотала Каспара. Сын работал приходским священником в лютеранской церкви, вложил в нее много сил - материальных, физических, эмоциональных. Увы, желанной отдачи не последовало, поэтому Каспар оставил религию, вернулся к прежним занятиям - пишет стихи, прозу, музыку.

- Но ведь к Богу ваш сын обращался именно за тем, чтобы вырваться из прежнего окружения?

- Было, было. В какой-то момент церковь оказалась единственным спасением для Каспара. Он пил, сильно пил, и вера в Господа помогла сыну перебороть эту болезнь. Признаться, я всегда боялась людей, излишне увлеченных религией. Они настолько поглощены идеей, что не видят и не слышат никого вокруг. Такие люди не способны к компромиссу, они могут быть деспотичны, агрессивны. Мне в этом религиозном иступлении чудится что-то нездоровое. Поначалу я противилась и приходу Каспара в церковь, но потом не стала мешать. К счастью, сын не стал фанатиком.

- И с алкоголем завязал?

- Накрепко.

- К слову, в посольстве Латвии в Москве нам вежливо намекнули, что не стоит связываться с Артмане: мол, пьет. Как думаете, с чего бы вдруг такие разговоры?

- Понятия не имею. Никогда не злоупотребляла, никогда! Артур, (Димитерс А. - известный актер, муж Артмане В. - Авт.), любил заглядывать на дно бутылки, эта страсть его раньше времени и в могилу отправила.

Красивая женщина...

НАКАНУНЕ вечером по телевизору в эфирный раз крутили «Театр». А утром мы отправились в гости к актрисе, сыгравшей Актрису. Вия Фрицевна по телефону подробно объяснила, как найти ее дом, и все же нам пришлось изрядно поплутать по проселкам, пока удалось отыскать хутор Маяс Дарзини. Артмане ждала у порога. В дом заходить не стали: через час у Вии Фрицевны началась репетиция в театре, а до Риги - ехать и ехать...

- Вия Фрицевна, в одном из недавних интервью вы сказали: «Увы, я теперь вяло живу». Это результат двух перенесенных инсультов?

- Не только. В конце декабря у меня случился инфаркт. Впервые в жизни встречала Новый год в больнице. Признаться, уже не верила, что встану с койки. Было очень страшно. Еще страшнее оказалось возвращаться в дом, в котором сейчас обитаю. Эта деревенская изба не рассчитана на то, чтобы в ней зимовали, жили круглогодично. Тем не менее сейчас это единственная крыша над головой для меня, дочки, зятя и внуки.

- А что случилось с вашей рижской квартирой?

- Ее больше нет. У дома, в котором мы жили, нашлись новые хозяева. Якобы они являются наследниками тех, кто владел зданием до 1940 года. Насколько я знаю, это все неправда. Ловкие люди купили нужные бумаги и теперь хотят избавиться от нас.

- Вам повысили квартплату, цены на воду, свет, газ?

- Это очень тяжелый рассказ, не хотелось бы с него начинать интервью...

Я сравниваю ситуацию, в которую попала, со сталинским ГУЛАГом. Можно сказать, что пять лет я уже отсидела - эта грустная история тянется с 1993 года. Объявившие себя домовладельцами, по сути, выставляют за дверь людей, у которых вся жизнь прошла в этих стенах. Хозяйева еще и умудряются прикрываться буквой закона, мол, все делается правильно. При этом минувшей зимой средняя температура в моей квартире не поднималась выше нуля градусов. А как иначе, если два с половиной года не работает отопление, нет горячей воды? Кто выживет в таких условиях? Нас силой вынуждают уходить. Все это очень неприятно. Трудно смириться с жестокостью и безобразием, но, к сожалению, сейчас в Латвии много людей, которые оказались в положении, подобном моему.

- Пытаетесь бороться?

- Бесполезно. Я оставляю квартиру. Придется подыскивать себе что-нибудь другое - поменьше, попроще, но боюсь, у меня и на маленькую жилплощадь не хватит денег. Пенсия едва-едва позволяет сводить концы с концами.

- Вроде бы на днях Сейм Латвии принял решение о повышении размеров пенсий?

- Очередное издевательство! Станут давать больше на семь латов - разве это выход? Я пятьдесят лет отработала на

сцене - и что? По новым латышским законам мне не полагается никаких льгот, надбавок. Мне говорят: вы работали на Советский Союз, а не на Латвию. То, что я всегда и везде представляла не себя лично, а свой народ, свою республику, никто не берет в расчет. Один важный чиновник прямо в глаза мне сказал: «Что же это Советская власть не обеспечила вам старость? К ней все претензии - в свободной Латвии вы не заработали на пенсию». Честное слово, пора-

- В посольстве Латвии в Москве нам намекнули, что не стоит связываться с Артмане: мол, пьет.

- Артура, моего мужа, эта страсть раньше времени в могилу отправила. А мне было не до гулянок.

жаю людям, которые свято уверовали, что Латвия существует только с 91-го года. Все, что было до этого, ими забыто, перечеркнуто.

- Но ведь и вы голосовали за независимость республики от СССР.

- Так все делали. Свобода - это прекрасно, вопрос, как ею распорядились. Никогда прежде национальные недоразумения в Латвии не возникали, а что творится сейчас? Слушавшееся у Рижской думы - это стыд.

- А вы могли оказаться в рядах митингующих?

- Нет, меня использовали бы как знамя, а я не хочу, что-

ку и здесь поселились какие-то проходимцы. Моего мужа очень привлекала аура этого места, он хотел выкупить дом в память о Дарзиньше.

- Хутор не кажется престижным.

- Самый что ни на есть обычный. И дом наш стоит у самой дороги. Зато вокруг места красивые. А в близости трассы даже есть своя прелесть. Автобусная остановка рядом, мне не приходится далеко ходить.

- Обычно вы в Ригу добираетесь на общественном транспорте?

- А как же иначе? Только так. Езжу на репетиции в те-